

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
БЭУ
АНЭБЭБ

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

СКАЗАНИЕ О ДЕДЕ МОРОЗЕ

с а б

Р. Я. Баякшин

7
16

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

Сказание о Дезде Морозе

242268

Художник — Дарья Шабалина

Издание Сретенского монастыря
Москва
2002

Вологодская
областная детская
библиотека

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Александра

Велика и могуча, обширна да прекрасна земля наша свято-русская. Прекрасна она городами многолюдными да церквями благолепными, обителями монашескими, реками широкими, полями привольными, святыми угодниками да мужами державными. Богата и обильна она лесами да рощами, зверями лесными, плодами земными. Красива она заповедными преданьями, устоями дедовскими, обычаями нерушимыми.

Кто не слышал о нашем русском Дede Морозе, что приходит потешить детей и весь честной люд православный в рождественские да новогодние дни? Кто не получал от него подарочка в детстве? А сколько ребятишек, девчонок да мальчишек, и нынче ждут его прихода к нарядной ёлке!

Все его ждут, все знают, привечают да с песней встречают. Однако не все ведают, откуда Мороз этот достославный явился, где уродился, как снарядился, как людям потом пригодился, чтобы всякий ему дивился.

Ой, и давно ж это было, так давно, что давностей этих почти и не упомнит никто. Где сейчас красуются города большие да могучие, там боры гудели дремучие, а в борах обитали звери да гады ползучие. Совсем немного городов было в ту пору на русской земле, пересчитать их можно было, как пальцы на руке.

Но уже основан был на берегу полноводной Сухоны славный город Великий Устюг, с церквями, монастырями да торговыми площадями. А по соседству от него раскинулось многолюдное село Морозовица.

И в селе том жил-поживал да добра наживал человек с певучим русским именем Иван.

Отец с матерью души в нём не чаяли, тешили да баловали, но и к молитве и труду приучали. Отец, бывало, спозаранку на пашню отправится – и сынишка за ним следом. Мать косу на плечо, да во луга траву косить – и Ванюшка не отстаёт. Дед раскладывает в кузнице свои инструменты замысловатые, а внучек уж тут как тут – меха раздувает.

С бабушкой Ваня в лес по грибы по ягоды ходил. Старался понимать речь зверей и птиц, слушал, о чем шелестят листья деревьев, о чём разговаривают меж собою цветы. И был для него лес как дом родной, все уголки заповедные он в нём знал, и иной раз столько всего наберёт, что туес с ягодами или пестерь с грибами еле тащит.

Еду Иван любил простую, крестьянскую: кисель овсяный да хлеб пеклеванный, пирог печёный да лук толчёный, картошку жареную да репу пареную. Рос он не по дням, а по часам, и силушка копилась в нём недюжинная, поигрывала по жилочкам, как в речке вешней.

Любое ремесло прямо ему в руки шло. Отроком он ещё был, а как начнёт работать, все им любят. Измлада умел Иван и за плугом ходить и бороной боронить, и косой махать и топором тесать, мог запросто и

печь сложить и избу срубить. Поведал дед внуку тайны кузнечные, и сковал себе Иван дубинку-самобойку, чтобы родимщину свою способнее было от недругов оборонять.

От священника приходского Иван грамоте обучился и к чтению книжному пристрастился. Читал жития святых, былины о витязях-богатырях, что на страже земли родной стояли, хотел подражать им.

Учился он старательно, прилежно. Ведь подобно тому, как пчела с цветов нектар собирает, так человек разумный из добрых книг пользу себе приобретает.

Вырос Иван добрый молодец на загляденье. Усердно посещал храм Божий, опекал состарившихся родителей. Поэтому благословил Господь все его начинания, дал ему жену красивую да урядливую. Хоть лён прясть, хоть пироги печь, а то и песню задушевную спеть — всё у ней выходило ладно да складно. Невдолге побегал по избе в лапоточках сынок синеглазенький, за ним другой, так и стало их семеро по лавкам.

Сила у Ивана была богатырская, никто супротив его ни в работе, ни в бою устоять не мог, а сердце имел он чистое, голубиное. Люди его уважали, и он им тем же отвечал.

И всё бы хорошо, да нагрянула беда нежданная-негаданная. Как-то отправился Иван с односельчанами на рыбный промысел к далёкому Ледовитому океан-морю. Льдины в том море — что горы матёрые, а в глубоких водах стадами бродят рыбы тучные, краснопёрые.

Долго ли коротко ли, близко ли далёко ли, наловили добытчики рыбы богато и двинулись в обратный путь.

Возы рыбой, как сеном, доверху нагружены — радоваться бы, а на сердце у Ивана тревожно. Вот уж и Морозовица поблизости, а их никто не встречает, за лесом ни дымка не видно, ни петушиного крика не слышно, только надрывный вой собачий доносится.

Миновали лес и ахнули — села-то нет! Кругом развалины, только трубы печные торчат. Всё разграблено. Одна церковь с колокольной уцелела.

Выполз из землянки столетний дед Нефед.

— Что случилось? — кинулся к нему Иван. — Что стряслось?

— Ой, Ванюша, — запричитал дед, — нагрянула под Устюг Великий сила несметная, чужеземная. Город злодеи как есть дотла разорили, а сёла окрестные огнём по ветру пустили. Мужиков в бою переранили да насмерть посекли, а баб с детишками в полон увели. В лесу мало кто успел схорониться.

Горе небывалое. Стоит Иван у пепелища, слёзы из глаз капают, снег до земли прожигают. А жители, что в лесу попрятались, обступили его, умоляют вдогонку за врагами пуститься, выручить пленных.

И дед Нефед про то же твердит:

— Зимний день, Ванюша, короткий. Солнце скоро садиться начнёт, далеко за ночь супостаты убегут, следы свои окаянные надёжно заметут.

Да, своё горе велико, а общее ещё больше. Подхватил Иван дубинку-самобойку, кликнул дружину верную, вскочил в седло.

Настигли недругов вскоре. Открыто они идут, отместки не ждут. Песни распевают хмельные, разбойничьи.

Вихрем налетел на них Иван, никому спуска не дал. Дубинка-самобойка по стану вражьему ястребом летает, как долбанёт кого в лоб, так и дух вон. А Иван мечом-кладенцом орудует. Направо махнёт — улица, а налево — переулочек. Побил всех ворогов до единого, освободил матерей и детей.

Воротились они в село, встречают их с ликованием, со звоном колокольным. Одному Ивану не весело: побили душегубы-нехристи всю семью его, жену-красавицу и детушек любимых.

Погоревал он, покручинился, да делать-то нечего, надо жить дальше. Срубил себе избу новую, кузницу краше прежней изладил.

Но с тех пор все заботы, все думы его только о детях малых. И раньше-то он чужих детей как своих любил, а теперь они все для него родными стали.

В будние дни и в праздники он отраду себе не в праздном безделье находил, не на печи лежать да баклуши бить, а чтобы с детьми вместе